

УДК 321:316.347(470+477)(045)

*Л.А. Фадеева, Д.С. Плотников***УКРАИНСКИЙ ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹**

Трансформация российской идентичности в последние 30 лет происходит под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. Как правило, к внешним факторам исследователи относят политику Запада в отношении России. На взгляд авторов данной статьи, не меньшее значение имеют события и процессы на постсоветском пространстве, особенно происходящие в Украине. В статье характеризуется влияние изменения политических курсов на идентификационные стратегии политического класса России и Украины, в результате чего они оказались не просто различными, но разнонаправленными.

В работе используется традиционный для идентитарных исследований социально-конструктивистский подход и концепция идентификационных матриц; в качестве метода использован дискурсивный анализ, источниковая база представлена как публикациями и выступлениями представителей политической элиты, так и данными опросов общественного мнения и социологических опросов, вторичными по своему характеру. Проведенный дискурсивный анализ подтверждает то, что наиболее важной точкой расхождения идентификации России и Украины стали события, получившие в Украине название «Оранжевая революция» и обусловившие ценностные противоречия, которые способствовали переходу между двумя странами в открытый конфликт после 2014 года. Острота реакции российского общества на эти расхождения объясняется устойчивыми традициями восприятия Украины как соседа, как «Своего», в силу чего изменение ценностных ориентаций и политический курс украинской элиты на евроатлантическую интеграцию, сопровождаемые и легитимируемые антироссийской риторикой, представлением России как угнетателя и колонизатора, стали восприниматься и оцениваться как предательство «братского» народа, которое разрушает российскую идентификационную матрицу.

Ключевые слова: идентичность, Украина, Россия, политическая трансформация, система ценностей, политика памяти, самоидентификация, внешнеполитическая ориентация.

DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-4-506-519

Ссылка на статью:

Фадеева Л.А., Плотников Д.С. Украинский фактор трансформации российской идентичности // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6, вып. 4. С. 506–519. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-4-506-519>

Введение

Распад Советского Союза положил конец как советской государственности, так и советской идентичности (единая общность – советский народ), а также создал кризис российской идентичности. «При распаде Советского Союза Россия не только потеряла часть традиционно принадлежавших ей территорий, но и столкнулась с серьезными психологическими последствиями этой геополитической трансформации внутри страны: с разрушением национально-государственной идентичности, утратой российским обществом ясной системы политических ценностей и смыслов, комплексом национальной неполноценности», – отмечают российские исследователи [1, с. 352]. России пришлось заново «открывать» постсоветское пространство, которое стало конкурентным полем влияния ряда международных политических акторов. При этом существенную роль в формировании международных связей играет социокультурная близость стран и народов. Так, схожая тюркская идентичность стала платформой сближения Турции и Азербайджана; на основании финно-угорской общности происходит сближение Финляндии и Эстонии; общие культурно-исторические корни привели к сближению между Румынией и Молдовой.

Особые отношения сложились между Россией и Беларусью, и целый ряд факторов политического и внешнеполитического характера их поддерживают до сих пор. Взаимоотношения с Украиной в постсоветский период выстраивались противоречиво. Украина исторически в российской идентичности воспринималась как неотъемлемая часть «земли Русской», находящейся на границе с Западом,

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке АНО ЭИСИ, грант No FSNF-2022-0038 «Украина как детерминанта российской идентичности».

который воспринимался в качестве «значимого другого». Это было важным элементом идентификационной матрицы российского общества.

Стремление осмыслить не только политические курсы, но и идентификационные стратегии двух стран предпринималось рядом исследователей как российских, так и зарубежных. Проблематика украинской идентичности так или иначе вписана в контекст анализа украинского транзита (В. Мироненко, Г. Касьянов, В. Сапрыка, Э. Мартин-Иогинсон); сопряжена с политикой памяти (А. Миллер, Дж. Федор, С. Льюис, О. Малинова); является предметом специального исследования нарратива, дискурса и идентичности (О. Байша, S. Shulman, V. Kulik); образ России закономерно включен в данное исследовательское поле (М. Ryabchuk, Z. Kohut); а трансформация образа Украины рассматривается в российском общественном сознании (Е. Шестопал, Н. Смутькина, А. Селезнева, Е. Новаковский).

Замысел данной статьи – охарактеризовать влияние изменения политического и идентификационного курсов украинской элиты на идентификационные стратегии политического класса России и на российскую идентичность в целом.

Мифологема «триединый народ» в конструировании российской идентичности

Идея «триединого народа», сложившаяся в XIX в., отражала не только устремления имперской политической элиты, но находила широкий отклик в российском обществе как представление об исторической общности, устойчивых связях, культурной близости русских и украинцев, составляя тем самым один из важных компонентов российской идентичности. Неслучайно славянофилы, одобряя деятельность малорусской интеллигенции по развитию народной культуры и языка, видя в ней союзников в противостоянии с поляками, изменили свою позицию, как только появились претензии на признание самостоятельности малорусской этничности. «Они не готовы были к восприятию украинцев как сформировавшейся отдельно от русских нации, воспринимая эту идею как происки поляков и немцев, стремившихся к расколу единой русской народности, – отмечает В.Н. Кудряшов. – Либералы и народники-реформаторы готовы были признать украинцев состоявшейся нацией, но без претензий на политическую самостоятельность» [2, с. 114]. Украину как русскую землю определял славянофил И.С. Аксаков: «Край этот Русский, Русский и Русский! В нем нет разных национальностей и вер; в нем есть только один хозяин – Русский народ; одна господствующая национальность – Русская, которой вера – православие» [3]. Консерваторы же давали негативные характеристики и украинского языка, который, по мнению Каткова, не имеет право называться литературным, поскольку он раскалывает русскую нацию, действуя в интересах ненавистных поляков [2, с. 110].

Основная масса либеральной российской общественности в XIX веке и начале XX века солидаризировалась с властями по украинскому вопросу. Петр Струве в своем знаменитом «Ответе Украинцу», чье письмо было опубликовано в газете «Русская мысль» в 1911 г., произнес слова, которые потом многократно воспроизводились и цитировались: «"украинство" таит под собой огромную культурную проблему, чреватую... величайшим и неслыханным расколом русской нации, который явится... подлинным государственным и народным бедствием. Все наши "окраинные" вопросы окажутся совершенными пустяками в сравнении с такой перспективой раздвоения, и если за малороссами потянутся белорусы, – растроения русской культуры» [4]. Струве завершил свой ответ так: «Я лично полагаю, что, будучи по традиции украинофильским (по новейшей терминологии), русское прогрессивное общественное мнение должно энергично, без всяких двусмысленностей и поблажек, вступить в идейную борьбу с "украинством", как с тенденцией ослабить и отчасти даже упразднить великое приобретение нашей истории – общерусскую культуру» [Там же].

«Триединый народ» как идеологема и значимый (хоть и неуклюжий, по мнению А.Миллера) [5, с. 51] конструкт государственной идентичности трансформировался и приспособлялся разными категориями российского общества на протяжении XIX–XX вв. Имперская его оболочка была разрушена уже в годы Советской власти, но вот смыслообразующее его ядро – представление о трех братских народах, трех ветвях славян, вошло в российскую идентификационную матрицу. В ноябре 2005 г., согласно данным опросов, 81 % респондентов в России полагал, что русские, украинцы и белорусы представляют собой три ветви одного народа, а почти 2/3 не считали Украину за границей [6].

Леонид Кучма с некоторой долей иронии описывал эти представления русских об Украине: «Украина – исторически неотъемлемая часть России, отколовшаяся по какому-то странному недоразумению или даже чудачеству, что она просто заблудшее дитя. Дитя скоро устанет блукать по буеракам и вернется к мамке, счастливое, что все позади. Русские, о которых я говорю, видят в украинцах

этакую сельскую родню – вполне симпатичную, певучую (это отмечается непременно), со своими гастрономическими пристрастиями, своеобразным юмором и забавным сельским говором. Но именно родню – то есть, с небольшими оговорками, тех же русских» [7, с. 12].

Он выражал критическое отношение украинской политической элиты к тому, что легитимация и декларирование независимости (самостийности, незалежности) Украины наталкивалась на сопротивление в России как политического класса, так и общественного мнения. Отмечал, что даже украинские слова – самостийность, незалежность – освоены в России, но в российском публичном дискурсе воспроизводятся скорее с насмешкой.

Что значит «Украина – не Россия»?

Президент Украины, чья книга «Украина – не Россия» была опубликована на русском языке российским издательством «Время» и презентована читательской публике в Москве в сентябре 2003 г., ставил своей целью донести до россиян, в особенности, политической и интеллектуальной элиты России, что процесс становления и оформления украинской идентичности идет активно и альтернативы не имеет.

Книга вышла под занавес второго президентского срока Л. Кучмы и стала своеобразным посланием, адресованным как вовне, так и внутрь Украины. На презентации Кучма объяснял, что работа над книгой длилась четыре года при содействии широкого круга специалистов; в 560 страницах текста видно участие историков, экономистов, культурологов, социологов, этнологов, политологов. «Политологи и социологи Украины согласны в том, что процессы консолидации украинской нации пока еще далеки от завершения. Мы до сих пор не до конца поняли, кто мы такие», – признавался Кучма [Там же, с. 23–24]. В своих публичных выступлениях он не раз ссылался на слова итальянского либерала Кавура, что после объединения Италии дело за тем, чтобы создать итальянцев, после чего сам Кучма формулировал задачу – создать украинцев.

Президент Украины определял факторы, направления, условия формирования украинской идентичности, адресуя их согражданам. Если Украина – не Россия, то что? Его ответы: это самая большая страна в Европе, население которой имеет европейскую идентичность (и не только в западной ее части); страна с тысячелетней историей «без купюр» и перетягивания исторического наследия (включая советский отрезок исторического развития) «Комплекс жертвы», «обиженной нации, травмированного народа», по мнению, выраженному в книге, был бы вреден для самоопределения Украины и идентичности украинцев, как и согласие на геополитическую вторичность, буферную зону «между цивилизованным миром и «варварской Россией», «полем соперничества между Западом и Россией» [Там же, с. 141].

По поводу выбора названия книги и его несколько эпатажного характер Кучма пояснял, что отчасти это связано с рекламной стратегией, но в значительной мере и с тем, что именно Россия представляет собой основной фактор украинской самоидентификации. Украину с Россией связывает «треть тысячелетия под одной государственной крышей»; общее духовное наследие, достижения культуры (правда, выразил сожаление, что Гоголь не писал на украинском языке); цивилизационное взаимовлияние («без украинского участия другой бы была вся современная "русская (российская) цивилизация"» [Там же, с. 24].

Не менее важны родственные связи: «по опросам 90-х годов, 33,4 процента (ровно треть!) жителей Украины имели близких родственников в России, а для Южной и Восточной Украины этот показатель равен 69,5 процента», вследствие чего украинский президент признает, что «взаимная диффузия Украины и России достигла беспрецедентного в мировой практике размаха» [Там же, с. 99].

Однако эти же обстоятельства привели к тому, что Кучма формулирует со ссылкой на немецкого историка Андреаса Каппелера, который констатировал в начале 1990-х: «И историческая мысль, и общественное мнение в Западной Европе вплоть до недавнего времени едва ли воспринимали всерьез и принимали к сведению существование 45-миллионной украинской нации» [Там же, с. 63].

Отрицая вариант национальной самоидентификации Украины «чтобы все, не как у москалей» и считая его ложным и бесплодным [Там же, с. 23–24], Кучма предъявляет тем не менее к российскому обществу целый ряд претензий. Критике подверглись формулировки «Киев – мать городов русских», «Древняя Русь – общая колыбель трех восточно-славянских народов» как утверждение, что «Вы – это мы, а мы – это вы». То есть, вас – нету! Со всей вашей якобы отдельной историей и ментальностью». Сильную эмоциональную реакцию вызывало у автора то, что «люди, которые так думают, не видят в этом ничего для нас оскорбительного, скорее, наоборот – они, по их мнению, оказывают нам боль-

шую услугу, поднимают нас до себя. У них и в мыслях нет нас обижать, они уверены, что раскрывают родственные объятия!» [Там же, с. 16].

Особая критика адресована российским интеллектуалам, начиная с либерального идеолога Петра Струве, который «сломался» на украинской тематике» [Там же, с. 277], до Солженицына, писавшего о постоянных уступках России, пытавшейся «подкупить непримиримость украинской стороны» [Там же, с. 215]. Фильм «Брат-2» был назван образцом антиукраинизма; сборники научных публикаций «Испытание Украиной», «Обман века» – проявлением «тенденциозной украинистики»; новостные и аналитические публикации в российских СМИ – поднимающими только темы коррупции, бандеровцев, притеснения русского языка и формирующими образ Украины как «государства, постоянно противодействующего России и ее интересам» [Там же, с. 277; 218; 207; 214].

Представленная Л. Кучмой книга явилась своего рода посланием российскому обществу и российскому правящему классу, декларацией права на самостоятельную идентичность Украины и украинцев и самостоятельный политический курс. Книга стала политическим бестселлером Московской международной книжной ярмарки 2003 г., и первые содержательные реакции на основные идеи, выраженные в ней, были озвучены уже в ходе ярмарки. Так, Директор Института СНГ К.Ф. Затулин, депутат Государственной Думы, на пресс-конференции, данной специально по поводу выхода в свет книги Кучмы, назвал ее сборищем мифов и заявил: «Книга Кучмы – это желание украсть нашу историю... она враждебна по отношению к России, к русскому языку, общей истории»².

Одной из первых на презентацию книги откликнулась «Российская газета», в которой были опубликованы «полемические заметки» Александра Сабова «Кучма тоже пишет книги». Сабов обильно цитирует текст, резюмирует, что «президентская книга написана именно с этой целью: ускорить "пробуждение нации"». В то же время журналист не ставит задачи написать рецензию, потому не дает читателю представления о структуре книги. Он полемизирует и иронизирует, оценивая усилия украинских властей «вытравлять всякое ностальгическое чувство у тех, кто и через забор сохраняет к России родственное чувство»; а Гоголь, по его словам, в книге упоминается неоднократно, прежде всего, потому, что тот «помог провести зримую грань между живописной Украиной и угрюмой Россией».³ Сабов выделяет в характеристике того, «чем отличается хохол от москаля», такие выводы автора, что украинцы бережливы, привыкли хозяйствовать, трудиться, доверчивы, даже легковерны, предпочитают закон и порядок, более общительны и оптимистичны, чем русские.

Основательно изучивший текст книги «Украина – не Россия» А. Горянин и давший обстоятельную и профессиональную рецензию на нее, выразил мнение, что авторы многих отзывов даже не держали текст в руках и что послание украинской элиты не было услышано в России [8]. При этом, сделанные ими выводы были категоричными; например, политолог Артем Хачатурян охарактеризовал значимость книги Кучмы как «процесс зарождения принципиально новой нации – нации русофобов, смысл существования которой заключается во вражде с Россией» [8]. А уже упомянутый К. Затулин счел, что книга адресована Западу, перед которым украинский политик демонстрирует свою лояльность, возможно, в претензиях на третий срок.⁴

На наш взгляд, послание было и получено, и прочтено, но не так, как задумывал Кучма и его команда. Как отметил один из аналитиков, «начинать определение с "не" – это плохая логика и еще худшая психология». И далеко не случайно то, что в Украине прошли презентации, мастер-классы, публичные лекции с целью разъяснения, уточнения, диссеминации конструкта «Украина – не Россия», в то время, как российские рецензенты за редким исключением видели в нем лишь разрушительный импульс для отношений между двумя странами и народами. Это коррелировало с общественными настроениями в России, в которых сильны были и ощущение, и желание общности с украинским народом.

² Пресс-конференция Константина Затулина «Слово – не воробей, а Леонид Кучма – не Богдан Хмельницкий» по поводу презентации книги украинского президента «Украина – не Россия» на XVI Московской международной книжной ярмарке. URL: <http://www.materick.ru/index.php?section=analitics&bulid=58&bulsectionid=4913> (дата обращения: 24.10.2022).

³ Сабов А. Кучма тоже пишет книги. Российская газета. 16.09.2003. URL: <https://rg.ru/2003/09/16/LeonidKuchmaUkrainefilialRossii.html> (дата обращения: 24.10.2022).

⁴ Пресс-конференция Константина Затулина «Слово – не воробей, а Леонид Кучма – не Богдан Хмельницкий» по поводу презентации книги украинского президента «Украина – не Россия» на XVI Московской международной книжной ярмарке. URL: <http://www.materick.ru/index.php?section=analitics&bulid=58&bulsectionid=4913> (дата обращения: 24.10.2022).

Два Майдана: идентификационные расколы и политические разрывы

События 2004 г. в Украине, известные как «Оранжевая революция», обозначили ценностный разрыв между правящими политическими элитами двух стран. Поражение В. Януковича на выборах Президента Украины в 2004 г. ознаменовало прекращение политики сближения России и Украины. Геополитические и идеологические ориентации украинских политиков все больше отдаляли Украину от России. В этих условиях претензии патриотических сил России к Украине набирали популярность. В Украине росло недовольство политикой России. Поддержка В. Путиным В. Януковича в ходе президентской кампании в Украине была воспринята украинцами как вмешательство во внутривнутриполитические дела суверенного государства и привела к консолидации протестного электората «Мы не быдло, мы не хохлы, мы Украины гордые сыны» – так звучат слова гимна революции 2004 года, песни «Разом нас багато – Нас не подолати!»⁵. Революция 2004 года, оцениваемая в Украине как важная веха на пути становления украинской политической нации, в России была воспринята как «отрывание» Украины от российского цивилизационного пространства при активной поддержке ЕС и США.

Победа «Оранжевой революции» происходила под лозунгами «евроинтеграции». «Европейский выбор» В. Ющенко, которого поддерживал ряд лидеров ЕС и США, сыграл важную роль в мобилизации его сторонников [9, с. 219]. Как отмечают украинские политологи М. Погребинский и А. Толпыго, «для В. Ющенко европейский выбор, выбор геополитический и цивилизационный – базисный элемент национальной идеи, призванной обеспечить создание суверенного украинского государства» [10, с. 53]. В. Ющенко заявлял, что именно вследствие «Оранжевой революции» об украинцах «стали говорить как о нации, не путая Украину с другими частями бывшего Советского Союза»⁶. Своих сторонников он называл «свідомі люди», т. е. сознательные, европейски ориентированные граждане, идентифицирующие себя с украинской идентичностью, противопоставляя их населению юго-восточных регионов Украины, находящемуся под влиянием «совка». Те, в свою очередь, скептически относясь к фанатам «Оранжевой революции», придумали для их определения словечко «майданутые». Важнейшей темой российских СМИ и аналитиков становится ориентация украинской власти на «геополитический раскол внутри страны» – притеснение русскоязычного и ориентированного на Россию юго-востока⁷.

Либеральная часть российского политического спектра трактовала «Оранжевую революцию» как победу демократии над авторитаризмом, а некоторые российские политики и общественные деятели принимали непосредственное участие в революции на стороне В. Ющенко (Б. Немцов, М. Гельман, С. Шустер и пр.), воспринимая украинский опыт как полезный для России. Закономерно, что подобные трактовки вызывали обеспокоенность правящих кругов.

Акцент делался на политтехнологиях, при помощи которых осуществлялась манипуляция общественным мнением, настраивание его против действующей власти. Российские политические элиты опасались, что подобные инструменты могут быть применены и в канун переходного электорального цикла в России в 2007–2008 гг. Отмена в России празднования Октябрьской революции с 7 ноября 2004 г. произошла «через три дня после завершения оранжевой революции» и была связана со стремлением распространить идеи в российском массовом сознании, что «любая революция это плохо и даже ужасно» [11, с. 78].

В российском информационном поле преобладало негативное восприятие «свидомитов»⁸ и поддержка населения Юго-Востока, воспринимаемого в качестве «своего». Представители Президента России на «Всеукраинском съезде народных депутатов» в Северодонецке в ноябре 2004 г. поддержали антимайданное движение⁹. Ю. Лужков заявил, что в ситуации на Украине действуют две полярные силы, демонстрирующие противоположные модели поведения: «С одной стороны – это грубое

⁵ Разом нас багато – Нас не подолати! <https://www.youtube.com/watch?v=Y26NI9uKF20>

⁶ Ющенко. Полная версия. Тимошенко, Кучма, Янукович, Путин, Бандера, газ, пчелы. «В гостях у Гордона» <https://www.youtube.com/watch?v=tmRmvgrlrxU>

⁷ Пресс-конференция Константина Затулина «Слово – не воробей, а Леонид Кучма – не Богдан Хмельницкий» по поводу презентации книги украинского президента «Украина – не Россия» на XVI Московской международной книжной ярмарке. URL: <http://www.materick.ru/index.php?section=analitics&bulid=58&bulsectionid=4913> (дата обращения 24.10.2022)

⁸ Кто такие «свидомые», и их разновидность – «свидомиты»? <https://nampuom-pycy.livejournal.com/76279.html>

⁹ События в Северодонецке 28 ноября 2004 года (съезд депутатов) (НТВ, 28.11.2004). URL: https://www.youtube.com/watch?v=4wErITGxO_4

вмешательство в дела Украины, а с другой стороны – Россия, которая относится с полным уважением к суверенитету страны».¹⁰

Созданный при украинском президенте Институт национальной памяти стал проводить политику декоммунизации, подобно тому, как это происходило в Польше и странах Балтии, принятых в 2004 г. в Европейский союз. Историческая политика администрации В. Ющенко была нацелена на формирование собственных исторических мифов, отличных от российских: приравнивание «Голодомора» к геноциду, героизация воинов УПА, создание музея Советской оккупации и пр. Все это шло вразрез с советско-российскими трактовками прошлого, разрушало образ «братских народов» и вызывало острое неприятие в России, где все громче звучали требования пересмотра политики в отношении Украины со стороны патриотически настроенной части общественности. Так, ответом на политику героизации УПА стало рассекречивание ФСБ документов, соответственно которым организация находилась «под контролем гестапо»¹¹. Ценностные расхождения России и Украины, как и геополитические ориентиры, становились все сильнее, что нашло отражение во взаимном отчуждении политического руководства двух стран.

Несмотря на усилия ряда лидеров (Ю. Тимошенко и «Батькивщина») представить общее прошлое как историю непрерывной и неравной борьбы украинского народа с российскими угнетателями, Россию – колонизатором в советское время, проводившей целенаправленный геноцид украинского народа и использовавшей русский язык как язык завоевателей и угнетателей, эти идеи не получили на тот момент широкой популярности. Социологические исследования – определение индекса этнокультурного дистанцирования в 1992, 2005 и 2012 гг. – «свидетельствовали о высоком уровне взаимопонимания между двумя народами, открытости и готовности вступать в любые контакты. Никакой другой народ не рассматривался населением Украины как более близкий» [12, с. 55, 63].

Историческая и культурная близость с Россией оставалась достаточно высокой. Проведя количественный анализ предпочтений украинцев по ряду параметров, Стефен Шульман сделал вывод, что их гражданская идентичность сильнее этнической и по ряду показателей (7 из 12) близость историческая и культурная высока. Особенно, на юго-востоке и в Крыму. Он дал рекомендации политическому классу Украины – делать упор не на язык, который и без того является определяющей детерминантой, а на соревновательную природу российской и украинской идентичностей, исторические и культурные различия между русскими и украинцами и на западную ориентацию [13, с. 55].

В. Кулик сравнил результаты исследований Центра Разумкова в Киеве 2012 и 2014 гг. По поводу суждения «Что бы ни делала власть, русский народ [народ] всегда будет рядом с украинским» около 24 % полностью согласились с этой точкой зрения, а еще 40 % «скорее согласились», в то время, как только 11 % более или менее твердо возражали. «Даже среди тех, кто определил себя, прежде всего, как граждане Украины, 59 % решительно или нерешительно поддержали эту дружественную россиянам позицию, – уточняет исследователь. – Эти цифры говорят о том, что близость между украинским и русским народами остается одним из наименее оспариваемых аспектов украинской идентичности, даже если украинцы расходятся во мнениях относительно точного характера этой близости» [14, с. 601].

Однако между 2012 и 2014 гг. пролегла важная демаркационная линия – «Евромайдан», названный «революцией достоинства». Приставка «Евро» – ключевое определение этого события: начавшись с массовых протестов по поводу решения правительства о приостановке подписания соглашения об Ассоциации Украины и ЕС, оно создало европейский и евроатлантический вектор украинской политики и идентичности. Как отмечает О. Байша, большинство авторов «Украинской Правды», ставшей рупором Евромайдана, представляли соглашение об ассоциации с ЕС «не как политико-экономический договор со всеми его "за" и "против", а как волшебное средство, которое перенесет их в европейскую сказку» [15, с. 47]. «Европа» оказалась связанной в сознании с понятиями справедливость, мораль и развитие человеческого духа [Там же, с. 48].

День 21 ноября был объявлен Президентом Украины Петром Порошенко в 2014 г. национальным праздником – Днем достоинства и свободы. Выступая на празднике, он заявил: «Как европейская нация, со-творец европейской истории, культуры и духовных идеалов, мы видим свое будущее в единой демократической Европе и в системе евроатлантической системы безопасности» [16, с. 190].

¹⁰ Лужков готов снять любимую кепку, чтобы быть похожим на Януковича. URL: <https://lenta.ru/news/2004/11/28/luzkov/>

¹¹ Бандитская армия // <http://www.fsb.ru/fsb/history/author/single.htm%21id%3D10318109%40fsbPublication.html>

Одновременно была конструирована эквивалентность между «народом Украины» и «народом Майдана»: «Майдан – это Украина», «Майдан – наше сердце» (Олег Тягнибок), «Украина – это мы» [14, с. 60, 64]. Значение Евромайдана его лидеры видели в уходе от России и советского прошлого, в движении «от азиатской системы правления к европейскому дому». Антимайданно настроенных «других» они считали «недо-гражданами»: которые «попросту не заслуживали того, чтобы быть частью «украинского народа» [15, с. 65]. Первоначально эту категорию именовали «совком», что означало ментальный консерватизм и колониальное состояние (зависимость от России), позже стали использовать по отношению к ним определения «бандиты», «сепаратисты», «террористы» [15, с. 95, 98]. Между тем Президент РФ Владимир Путин еще 4 марта 2014 г. заявил о необходимости «подать сигнал тем людям, которые живут на юго-востоке Украины, они должны почувствовать себя "а" – в безопасности и "б" – участниками общеполитического процесса стабилизации в стране».¹²

Все исследователи событий 2014 г. отмечают их влияние на изменение отношения к России. Согласно данным Украинского центра экономических и политических исследований имени Александра Разумкова (УЦЭПИ), 43 % опрошенных возлагали ответственность за кровопролитие на «российские власти, которые оказывают вооруженную поддержку сепаратистам, 19 % видели главного злодея в «участниках протестов на Майдане, свергнувших власть» законного президента Украины». В. Кулик отмечает, что оба предложенных варианта основаны на аргументах, сформулированных в публичном дискурсе. Он зафиксировал важное различие между теми, кто считает Майдан и постмайданные события расширением прав и возможностей украинского народа, и теми, кто рассматривает это как еще одну стадию своей депривации. Первые, как правило, гордятся своей принадлежностью к украинской нации, в то время как вторые чувствуют себя обиженными государством, которое от них отказалось, хотя они не меньше первых любят свою страну и ее культуру [14, с. 607].

Так, события 2014 г. сформировали два вектора противостояния: поворот в оценке России от «братского народа» к «государству-агрессору»; отказ признавать носителями украинской идентичности жителей восточных регионов, которые не были согласны с подобной идентификацией России. Их массовые выступления весной 2014 г. получили название «Русской весны». Присоединение Крыма к России стало именоваться «крымской весной», оно сформировало крымский консенсус (#Крымнаш): «Крымская весна»... оказалась отправной точкой для многих жителей страны, – поясняет Н. Баранов. – В выборе между европейскими ценностями, которые стали подвергаться сомнению, и консолидацией власти и общества внутри страны... победили государственнические патриотические настроения» [17, с. 62]. Последовавшие вооруженные столкновения на Донбассе лишь усилили данный вектор, знаменующий символический отказ России от трансформации по европейскому образцу в пользу формирования самостоятельной державы, реализующей свои национальные интересы.

Измерения национальной идентичности: власть и народ

П. Порошенко в период своего президентства (2014–2019 гг.) делал ставку на интеграцию Украины в ЕС и НАТО, при этом выстраивая конфронтационную политику с Россией, без учета ее интересов. Результатом такой политики стало внесение поправок в Конституцию об ориентации Украины во внешней политике на вступление в ЕС и НАТО, а также принятие закона о реинтеграции Донбасса и Крыма Верховной Радой Украины, в котором Россия названа государством-агрессором. Агрессивная риторика П. Порошенко в отношении лично В. Путина прослеживалась в ходе президентской избирательной кампании 2019 г., где идейными лозунгами команды П. Порошенко были слоганы «Армия. Язык. Вера».

Тем не менее сдвиги политико-культурного характера происходили медленнее. Многолетнее сравнительное исследование изменения установок, взглядов, ценностей и поведения населения стран Европы, в которое Украина включена с 2004 г., а Россия – с 2006 г., показывает близость позиций двух стран: «жители Украины и России намного ближе друг к другу по жизненным ценностям, чем к жителям большинства европейских стран. Данные независимого европейского исследования указывают на общность ценностей жителей России и Украины в противоположность ценностям жителей Европы» [18, с. 119].

¹² Путин: Мы не рассматриваем вариант присоединения Крыма // Ведомости 04 марта 2014. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/03/04/putin-nachal-press-konferenciyu> (дата обращения: 16.10.2022).

По мере роста противоречий между Россией и Западом происходила трансформация позиции политического класса России и Украины, избравших несовпадающие, и все более противоположные друг другу приоритеты внутри- и особенно внешнеполитического развития (евразийское сотрудничество vs. евроинтеграция). Эксперты к числу разъединяющих факторов относят непродуманные действия политиков (66,67 %), подрывную деятельность внешних сил (57,14 %), противоположные векторы внешней политики (50 %). При этом почти в два раза больше украинских экспертов назвали в качестве главного разъединяющего фактора государственную политику (60 % против 36,36 %), а на 13 % больше российских экспертов – подрывную деятельность внешних сил (63,64 % против 50 %) [19, с. 68].

Украина представлялась российским гражданам страной наименее стабильной на всем постсоветском пространстве (так же как Таджикистан) из-за политики властей. Исследования 2018 г. по методике Е. Шестопаля показали, что социальная и ментальная близость российских респондентов относится к народу [20]. По результатам проведенного в 2020 г. Е. Новаковским опроса выяснилось, что большинство респондентов (68 %) воспринимают Украину как соседа. Вторым по популярности среди респондентов был ответ «как врага» (34 %). Особенно негативные характеристики даются украинской власти «коррупцированная», «хапуги», «воры», «алчная до денег и власти». «марионеточная» [21]. Таким оценкам способствовала информация о коррупционных скандалах в Украине, разоблачительные статьи украинских и российских авторов.

Имели значение и культурные проекты, такие, например, как сериал «Слуга народа». В 48 сериях двух первых сезонов главный герой Василий Голобородько, став президентом, безуспешно борется с алчностью, взяточничеством, интриганством, эгоизмом министров и депутатов и пытается изменить сложившиеся в обществе привычки обойти закон, получить нелегальную прибыль. Запомнился и был широко растиражирован монолог Голобородько (в исполнении Владимира Зеленского), «как украинец становится хохлом» – вследствие всеобщей развращенности, взяточничества, доминирования личных связей и интересов и наплевательского отношения к народу и стране.

В рецензиях на фильм в России на сайте Кинопоиск размещены многочисленные отклики, что это «несбыточная мечта несчастного народа»;¹³ «это очень смело, открыто, честно и... страшно, если все так и есть в жизни»; «я плакала, когда слышала выстраданные, яростные монологи Голобородько о кормушке, повсеместной коррупции, что воруют все, а честный один на 45 миллионов, пенсиях, дорогах и общей ситуации в стране». Негатив, отмеченный российскими телезрителями – «антироссийские настроения хоть и не пропитывают сериал насквозь, но прослеживаются иногда. Шутки про "Путин свергли", негласное утверждение, что Янукович плохой, стремление в Европу и нежелание повернуться лицом к России – все это неприятно. Все-таки настолько здравомыслящий и правильный президент должен был понять, что в первую очередь нужно встраивать отношения с ближайшими соседями, а уж тем более с крупнейшей мировой державой. Это решило бы многие проблемы Украины».

В этих отзывах не просто оценка коммерческого телепродукта, но проявление неравнодушия к судьбе народа, близкого по духу. И по результатам опросов народ воспринимается более позитивно, как братский, но раз он поддерживает такую власть, то совершает предательство по отношению к России [Там же]. Тема предательства Украины по отношению к России в массовом сознании сопряжена не только с ее геополитическим курсом, но и с рядом символических фигур и событий. Уже в версии украинской идентичности (от Кучмы) в число таких фигур попали Мазепа и Бандера, в российском восприятии ставшие символами предательства. В российской идентичности одна из наиболее важных скреп – память о Великой Отечественной войне, а в Украине после «Евромайдана» само понятие «Великая отечественная война» исчезло из музейных экспозиций и страниц учебников [22]. Так что темы – бандеровцы, коррупция, ущемление русского языка и населения – остались самыми распространёнными применительно к Украине. Добавились важные и острые тема – ключевая – Донбасс (жертвы, мученики, дети Донбасса), реабилитация нацизма, отмена русской культуры и языка. Они усиливали ощущение предательства. В мифологическом плане в восприятии двух некогда близких друг другу стран ключевые роли – друг или предатель (изменник). По мере удаления в политическом плане идентификация «друга» сменяется идентичностью «предателя».

¹³ Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/film/942397/reviews/>

Патриотическая российская идентичность в контексте «украинского вопроса»

В России после 2014 г. идеи патриотизма и суверенитета стали основой формирования российской идентичности: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма»¹⁴. Россия идентифицируется в политическом дискурсе как историческое государство, государство-цивилизация. В государственном дискурсе все более четко определяются контуры такой идентичности.

В Ежегодном Послании Президента к Федеральному Собранию в 2012 г. было использовано понятие «духовые скрепы», получившее широкое распространение в риторике государственных акторов и близкой им по духу части интеллигенции. Их совместными усилиями формируется патриотический дискурс, включающий следующие смыслы: отождествление патриотизма с любовью к Родине и поэтому безусловное провозглашение его нравственной нормой; соответственно, объявление главной ценностью патриотизма защиты Родины, решающая роль в поддержке патриотизма отводится государству; «снятие» в патриотической идее внутренних социальных противоречий, объявляемых вторичными перед служением Родине; перенос политической проблематики на внешнюю среду, с обозначением внешних угроз и образов врагов.

Такой дискурс выстраивался на Интернет-площадках – сайте политического консерватизма «Русская Idea»¹⁵ (Б. Межуев, Л. Ульянова) и в альманахе «Тетради по консерватизму» (Институт социально-экономических и политических исследований, Фонд ИСЭПИ). Широкой аудитории были адресованы серия передач А. Дугина «Национальная идея России – Патриотизм», «Правда нашей Победы», «Быть русским – предназначение» и др., авторская программа «Бесогон» Никиты Михалкова. На НТВ зритель должен был усваивать «Уроки русского» Захара Прилепина с такими темами: «Быть русским – уже допинг», «Мы русские – какой восторг», «Хватит стесняться комплексов ракетных», «Наша сила, наглость и хамство», «Мужик – наш!». Интерпретации национальной идентичности призваны дать объяснение, почему современные либеральные ценности с их акцентом на права меньшинств (в особенности, сексуальных) не соответствуют национальной модели России; вместо прав человека предлагается такая ценность как «правда».

В этом контексте «Евромайдан» в российских СМИ был связан с западными «пороками». В социальных сетях вполне предсказуемо популярным стало понятие «Гейропы»¹⁶ – термина, используемого для «обозначения европейской гендерной девиантности и Европы в целом» [23, с. 32].

По мнению аналитиков, существенные усилия Путина по возрождению национальной гордости России как великой державы опираются на настроения граждан РФ, для которых ключевые компоненты политической идентичности выстраиваются вокруг военных побед, патриотических ценностей и идентификации России с осажденной крепостью.

В противовес отрицанию роли СССР в победе над фашизмом в РФ стала приобретать государственную важность политика памяти, что было подкреплено государственными программами по патриотическому воспитанию, разработкой единого учебника по истории России, активизацией комитетов и комиссий против фальсификации российской истории. Институционализации политики памяти способствовала деятельность Российского исторического общества и Российского Военно-исторического общества. В плане государственной политики можно отметить проект Министерства обороны РФ «Дорога памяти» на базе Центрального музея Вооруженных сил России, с 2015 г. запуск портала «Память народа». Важной народной инициативой стала проводимая с 2012 г. акция «Бессмертный полк».

Политика памяти о войне стала рассматриваться в контексте стратегической безопасности, в силу чего был принят ряд законов, возводящих в категорию преступления унижение чести и достоинства участников Великой Отечественной войны, оскорбление памяти защитников Отечества. Закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» дополнен ст. 61, которая запрещает «отождествление целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями и действиями руководства нацистской Германии».

¹⁴ Путин В.: Патриотизм – «это и есть национальная идея» // tass. ru. URL:

https://tass.ru/politika/2636647?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com.

¹⁵ Русская Idea URL: <https://rusidea.org/> (дата обращения: 29.10.2022).

¹⁶ Гауфман Е. «Настоящие мужчины» в прокремлевской риторике // <https://ridl.io/ru/nastoyashhie-muzhchiny-v-prokremlevskoj-ritorike/>

Между тем руководство Украины со времен президентства В. Ющенко пошло по пути Польши и балтийских государств, которые с начала 2000-х гг. и особенно активно после вступления в Европейский союз стали настаивать на том, что в годы войны они явились жертвами «двух тоталитаризмов». По мнению либеральных исследователей, в Украине сложились конфликтующие позиции и альтернативные интерпретации Второй мировой войны, что способствовало глубокому политическому конфликту и расколу общества, поскольку «националистский контрнарратив Великой Отечественной войны существовал с конца 1980-х» с его символическими фигурами ОУН-УПА, Степана Бандеры и Романа Шухевича. Из маргинального он при Ющенко превратился в «действенный элемент политики памяти» и массовой электоральной мобилизации и внес вклад в «войну идентичностей», что способствовало устремлениям России помешать Украине переориентироваться на Запад [22, с. 132–133].

Вследствие таких устремлений В.В. Путин посвятил проблеме исторической идентичности и исторического единства несколько выступлений и статей, в которых признал, что стена в отношениях России и Украины – следствие ошибок руководства обеих стран и работы внешних сил по подрыву единства.

В статье «Об историческом единстве русских и украинцев»¹⁷ (июнь 2021) были подняты многие сюжеты, озвученные в 2003 г. украинским президентом: истоки Киевской Руси, совместные сражения с врагами, значимость православия, роль Богдана Хмельницкого, языковые традиции, культурная близость. Как пагубное было охарактеризовано влияние советской национальной политики, разъединившей славянские народы. «Когда распался СССР, многие и в России, и на Украине все же искренне верили, исходили из того, что наши тесные культурные, духовные, экономические связи безусловно сохранятся, как и общность народа, в основе своей всегда чувствовавшего себя единым, – утверждает Путин. – Однако события – сперва исподволь, а потом все быстрее – стали развиваться в ином направлении».

Геополитические игры, в которые оказывалась вовлеченной Украина, становились все опаснее, пока не «пришло время, когда концепция «Украина – не Россия» уже не устраивала. Потребовалась «анти-Россия». Российский президент обвинил украинские власти, что они под влиянием радикальных националистов проводят принудительную смену идентичности. Он упомянул и о риторике, которая используется в отношении людей Юга-Востока Украины как бы террористов и сепаратистов. Завершена статья словами «мы – один народ»¹⁸.

Для закрепления ключевых для российской идентичности понятий в 2021 г. были внесены поправки в Конституцию РФ. Единство и преемственность государственного развития, тысячелетняя история, память и идеалы предков, память защитников Отечества, вера в Бога, добро, справедливость и историческая правда – должны способствовать сохранению российской идентичности¹⁹. Отсылка к уникальности собственно российских смыслов и ценностей, культурного наследия, формировавшихся в долгом историческом времени, в широкой межэтнической коммуникации на стыке культур и цивилизаций призвана заложить основы поддержки широких общественных групп²⁰.

В обращении к гражданам России 21 февраля 2022 г. президент подчеркнул, что в Украине живут «наши товарищи, близкие, среди которых не только коллеги, друзья, бывшие сослуживцы, но и родственники, люди, связанные с нами кровными, семейными узами». А украинские власти изначально... стали строить свою государственность на отрицании всего, что нас объединяет, стремились исковеркать сознание, историческую память миллионов людей, целых поколений, живущих на Украине». Он призвал поддержать людей, которые «не согласились с поддержанным Западом переворотом на Украине в 2014 году, выступили против возведенного в ранг государственного движения в сторону пещерного и агрессивного национализма и неонацизма. И борются за свои элементарные права – жить на своей земле, говорить на своем языке, за сохранение своей культуры и традиций».²¹

Конструкт «Украина как Анти-Россия» включает все те комплексы жертвы, «обиженной нации, травмированного народа», как и согласие на геополитическую вторичность, буферную зону «между

¹⁷ Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 26.10.2022).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Конституция РФ. Преамбула, части 2, 3. ст. 67.

²⁰ Конституция РФ. Ст. 68.4, 79, 80.

²¹ Обращение Президента Российской Федерации 21 февраля 2022 URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67828> (дата обращения: 26.10.2022).

цивилизированным миром и «варварской Россией», «полем соперничества между Западом и Россией», против которых так горячо выступал Леонид Кучма 20 лет назад. Этот конструкт определяет Россию как угнетателя, колонизатора, выкачивавшего из Украины все соки и в имперскую, и в советскую эпоху, организовавшего геноцид украинского народа Голодомором, препятствующего вхождению Украины в европейский дом. Это входит в абсолютное противоречие с укрепившимся в России вариантом самоидентификации как великой державы, жизненные интересы которой простираются далеко за ее границами, а сами границы воспринимаются как весьма условные и исторически не обусловленные.

Заключение

Конструирование идентичности – сложный процесс, выстраиваемый под влиянием внутренних и внешнеполитических факторов. В исследованиях «украинского транзита», революций, трансформаций представлена детальная, но противоречивая картина. В данной статье прослежено, каким образом изменение конструкта украинской идентичности повлияло на российскую идентичность как компонент массового политического сознания и выстраиваемый на его основе в общественно-политическом дискурсе концепт. Продвигаемый украинским президентом Леонидом Кучмой тезис, что «Украина – не Россия», предполагал оценку России как государства, с которым Украину связывают узы исторического прошлого и многосторонние связи: экономические, политические, социальные, дружеские и семейные. Этот тезис не нашел поддержки ни в обществе, ни у политического класса России, поскольку расходился с распространенным представлением о близости и единстве народов Украины и России, об общности судьбы в прошлом, настоящем и будущем. В Украине на тот момент радикальные националисты представляли собой, по оценкам украинских историков и политологов, незначительное меньшинство, проигрывавшее как в «боях за историю», так и в определении вектора развития страны.

«Оранжевая революция» и в особенности «Евромайдан» кардинально изменили ситуацию. Евроатлантическая ориентация, выбранная правящим классом Украины, сопровождалась не просто охлаждением отношений с Россией, но ростом напряженности и обвинений, что Россия всегда на протяжении своей истории препятствовала украинскому развитию, наносила вред украинскому народу. Подъем националистических движений способствовал тому, что развернутая в Украине пропагандистская кампания была выстроена как раз по тем параметрам, которые в начале 2000-х отвергал Кучма: Украина была представлена жертвой колониальных устремлений России, центром «азиатчины и деспотизма», соответственно, главное направление трансформации Украины выстраивалось по принципу: «чтобы все не как у москалей». Это создавало напряженность и в отношениях внутри Украины, когда регионы юго-востока, не согласные с антироссийской ориентацией страны, были подвергнуты атакам, сначала пропагандистским, а потом и реальным. Тема Донбасса стала чувствительной и для российской идентичности: притесняют русских, вытесняют русский язык и культуру. Апелляция к жертвам Донбасса находила эмоциональный отклик в российском обществе. Антироссийская риторика и политика украинского правящего класса оценивалась как русофобия, при этом к украинскому народу оставалось сочувствие, которое сосуществовало с опасениями насчет возможного предательства.

Таким образом, украинский фактор способствовал усилению тех компонентов российской идентичности, которые связаны с пониманием России как державы-цивилизации, противостоящей нажиму западных стран в их стремлении сохранить доминирование Запада в мировом порядке. Противостояние с Украиной в таком контексте оценивалось как болезненная, но вынужденная мера, без которой России угрожает утрата не только идентичности, державности, но и российской цивилизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Селезнева А.В., Смутькина Н.В. Образы стран славянского мира в сознании российских граждан // Русин. 2018. № 54. С. 352–371.
2. Кудряшов В.Н. «Украинский вопрос» в русской общественной мысли второй половины XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 107–115.
3. Аксаков И.А. Каково должно быть положение поляков в Украине. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_1863_kakovo_dolzno_byt_olderfo.shtml (дата обращения: 31.10.2022).
4. Струве П.Б. Ответ Украинцу. URL: <https://naspravdi.info/rossiya/obshcherusskaya-kultura-i-ukrainskiy-partikulyarizm-petr-struve> (дата обращения: 31.10.2022).

5. Миллер А. Национальная идентичность на Украине: история и политика // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 4. С. 46–65.
6. Левада Ю. Время перемен. Предмет и позиция исследователя. М.: НЛО, 2016. URL: https://books.google.de/books?id=hiiiDAAAQBAJ&pg=PP811&lpg=PP811&dq=три+ветви+одного+народа+опрос&source=bl&ots=7QQTENXc49&sig=a9lj0VhYrli1yQRMTeSMrbtGMS8&hl=de&sa=X&ved=0ahUKEwjftq33kZ_bAhViCroKNTLaVvEQ6AEIOTAC#v=onepage&q=три%20ветви%20одного%20народа%20опрос&f=false (дата обращения: 27.10.2022).
7. Кучма Л.Д. Украина – не Россия. М.: Время, 2003. 690 с.
8. Горянин А. Непрочитанное послание Леонида Кучмы // Отечественные записки. 2007. № 1 (34). URL: <https://strana-oz.ru/2007/1/neprochitanное-poslanie-leonida-kuchmy> (дата обращения: 27.10.2022).
9. Фийнко А. Выборы 2004 года: основные конфликты и их последствия // «Оранжевая революция». Украинская версия. М., 2005. С. 207–231.
10. Украина без Кучмы: год оранжевой власти: январь 2005 – март 2006 года / сост. М. Погребинский, А. Толпыго. Киев: Оптима, 2007. 744 с.
11. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности М.: 2015. 207 с.
12. Вендина О., Колосов В., Попов Ф., Себенцев А. Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий // ПОЛИС. Политические исследования. 2014. № 5. С. 50–67.
13. Shulman S. The Contours of Civic and Ethnic National Identification in Ukraine. // Europa-Asia Studies. January 2004. Vol. 56 №.1 P. 35–56.
14. Kulyk V. National Identity in Ukraine: Impact of Euromaidan and the War. // Europa-Asia Studies. Vol. 68. No. 4. June 2016. P. 601
15. Байша О. Дискурсивный разлом социального поля. Уроки Евромайдана. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 184 с.
16. Плотников Д.С. Националистические партии и движения как акторы политического процесса России и Украины: дис ... канд. полит. н., Пермь, 2010. 254 с.
17. Баранов Н.А. Крымский фактор в формировании российской идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3 (60). С. 59–66.
18. Слинко Е., Кубарский Д. Россия, Украина и европейские страны: общее и различия в системе ценностей // Вестник российской нации. 2016. № 2. С. 93–119.
19. Сапрыка Виктор, Бабинцев Валентин, Вавилов Андрей. Россия и Украина: противоречия постсоветского приграничного хронотопа // Вестник Российской нации. 2019. № 3. С. 68
20. Шестопал Е.Б., Смутькина Факторы восприятия постсоветских стран в современном российском обществе // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 26–44.
21. Новаковский Е.А. Образ Украины как врага России в сознании российских граждан Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1 С. 149–164.
22. Джули Федор, Саймон Льюис, Татьяна Журженко. Война и память в России, Украине и Беларуси // Неприкосновенный запас. 2018. № 03 (119). С. 114–141.
23. Рябова Т.Б., Рябов О.В. «Гейропа»: гендерное измерение образа Европы в практиках политической мобилизации // Гендерные аспекты политических процессов URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geyropa-gendernoe-izmerenie-obraza-evropy-v-praktikah-politicheskoy-mobilizatsii/viewer> (дата обращения: 27.10.2022).

Поступила в редакцию 28.10.2022

Фадеева Любовь Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук
E-mail: lafadееva2007@yandex.ru

Плотников Дмитрий Сергеевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук
E-mail: plotnikov.perm@mail.ru

Пермский национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

L.A. Fadeeva, D.S. Plotnikov

UKRAINIAN FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN IDENTITY²²

DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-4-506-519

The transformation of Russian identity in the last 30 years has been influenced by both internal and external factors. As a rule, researchers attribute the policy of the West towards Russia to the most important external factors. In the opinion of the authors of this article, events and processes in the post-Soviet space, especially those taking place in Ukraine, are of no less importance. The article characterizes the impact of changes in political courses on the identification strategies of the political class of Russia and Ukraine, as a result of which they turned out to be not just different, but multidirectional. The work uses the traditional socio-constructivist approach for identity studies and the concept of identification matrices; discursive analysis was used as a method, the source base is presented both by publications and speeches of representatives of the political elite, and by data from public opinion polls and sociological surveys, which are secondary in nature. The conducted discursive analysis confirms that the most important point of divergence between the identification of Russia and Ukraine was the events that received the name “Orange Revolution” in Ukraine and caused value contradictions that contributed to the transition between the two countries into an open conflict after 2014.

The severity of the reaction of Russian society to these discrepancies is explained by the stable traditions of perceiving Ukraine as a neighbor, as “Own”, due to which the change in value orientations and the political course of the Ukrainian elite towards Euro-Atlantic integration, accompanied and encouraged by anti-Russian rhetoric, the presentation of Russia as an oppressor and colonizer, began to be perceived and evaluated as a betrayal of the “brotherly” people, which destroys the Russian identity matrix.

Keywords: identity, Ukraine, Russia, political transformation, system of values, politics of memory, self-identification, foreign policy orientation.

REFERENCES

1. Selezneva A.V., Smul'kina N.V. Obrazy stran slavyanskogo mira v soznanii rossijskih grazhdan // *Rusin*. 2018., №54. S. 352-371
2. Kudryashov V.N. «Ukrainskij vopros» v russoj obshchestvennoj mysli vtoroj poloviny XIX v. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 384. S. 107-115
3. Aksakov I.A. Kakovo dolzhno byt' polozhenie polyakov v Ukraine. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_1863_kakovo_dolzhno_byt_oldorfo.shtml (accessed 31.10.2022)
4. Struve P.B. Otvet Ukraincu. URL: <https://naspravdi.info/rossiya/obshcherusskaya-kultura-i-ukrainskiy-partikulyarizm-petr-struve> (accessed 31.10.2022)
5. Miller A. Nacional'naya identichnost' na Ukraine: istoriya i politika // *Rossiya v global'noj politike*. 2022. Т. 20, No. 4. S. 46-65.
6. Levada Yu. Vremya peremen. Predmet i poziciya issledovatelya. M.: NLO. 2016. URL: https://books.google.de/books?id=hiiiDAAAQBAJ&pg=PP811&lpg=PP811&dq=три+ветви+одного+народа+опрос&source=bl&ots=7QQTENXc49&sig=a9lj0VhYrIi1yQRMTeSMrbtGMS8&hl=de&sa=X&ved=0ahUKEwjftq33kZ_bAhViCpoKHTLaBvEQ6AEIOTAC#v=onepage&q=три%20ветви%20одного%20народа%20опрос&f=false (accessed 27.10.2022)
7. Kuchma L.D. *Ukraina – ne Rossiya*. M.: Vremya, 2003. 690 s.
8. Goryanin A. Neprochitannoe poslanie Leonida Kuchmy // *Otechestvennye zapiski* №1 (34) 2007 URL: <https://strana-oz.ru/2007/1/neprochitannoe-poslanie-leonida-kuchmy>
9. Fin'ko A. Vybory 2004 goda: osnovnye konflikty i ih posledstviya // «Oranzhevaya revolyuciya». *Ukrainskaya versiya*. M., 2005. С. 207-231
10. *Ukraina bez Kuchmy: god oranzhevoj vlasti: yanvar' 2005 – mart 2006 goda* / sost. M. Pogrebinskij, A. Tolpygo. Kiev: Optima, 2007. 744 c.
11. Malinova O.Yu. Aktual'noe proshloe Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti M. 2015 207 c.
12. Vendina O., Kolosov V., Popov F., Sebencev A. Ukraina v politicheskom krizise: obraz Rossii kak katalizator protivorechij. *POLIS. Politicheskie issledovaniya*. 2014. №5. S.50-67
13. Shulman S. The Contours of Civic and Ethnic National Identification in Ukraine. *Europa-Asia Studies*. January 2004. Vol.56 N.1 P.35-56.
14. Kulyk V. National Identity in Ukraine: Impact of Euromaidan and the War. *Europa-Asia Studies*. Vol.68. No.4. June 2016. R.601

²² The article is prepared in the framework of the project “Ukraine as a determinant of the Russian Identity”, supported by ANO EISI, grant No FSNF-2022-0038.

15. Bajsha O. Diskursivnyj razlom social'nogo polya. Uroki Evromajdana: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki; Moskva; 2021. 184 s.
16. Plotnikov D.S. Nacionalisticheskie partii i dvizheniya kak aktory politicheskogo processa Rossii i Ukrainy. Dis...k.pol.n., Perm', 2010. 254 s.
17. Baranov N.A. Krymskij faktor v formirovanii rossijskoj identichnosti // Kaspiskij region: politika, ekonomika, kul'tura. № 3 (60). 2019 g S. 59-66
18. Slin'ko E., Kubarskij D. Rossiya, Ukraina i evropejskie strany: obshchee i razlichiya v sisteme cennostej. Vestnik rossijskoj nacii. 2016. №2 S. 93-119.
19. Viktor Sapryka, Valentin Babincev, Andrej Vavilov, Rossiya i Ukraina: protivorechiya postsovetского prigranichnogo hronotopa. Vestnik Rossijskoj nacii. 2019. № 3. S.68
20. SHestopal E.B., Smul'kina Faktory vospriyatiya postsovetских stran v sovremennom rossijskom obshchestve // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2018. № 1. S.26-44
21. Novakovskij E.A. Obraz Ukrainy kak vraga Rossii v soznanii rossijskih grazhdan Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyj zhurnal). 2022. № 1 S.149-164
22. Dzhuli Fedor, Sajmon L'yuis, Tat'yana Zhurzhenko. Vojna i pamyat' v Rossii, Ukraine i Belarusi. Neprikosnovennyj zapas № 03 (119) 2018. S. 114-141
23. Ryabova T.B., Ryabov O.V. «Gejropa»: gendernoe izmerenie obraza Evropy v praktikah politicheskoy mobilizacii // Gendernye aspekty politicheskikh processov URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geyropa-gendernoe-izmerenie-obraza-evropy-v-praktikah-politicheskoy-mobilizatsii/viewer> (accessed 27.10.2022)

For citation:

Fadeeva L.A., Plotnikov D.S. Ukrainian factor in the transformation of Russian identity // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2022. Vol. 6, iss. 4. P. 506–519. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-4-506-519> (In Russ.).

Received 28.10.2022

Fadeeva L.A., Doctor of History Professor at Department of Political Sciences

E-mail: lafadeeva2007@yandex.ru

Plotnikov D.S., Candidate of Political Sciences, Associate Professor at Department of Political Sciences

E-mail: plotnikov.perm@mail.ru

Perm State University

Bukireva st., 15, Perm, Russia, 614068